

Роберт Ондрейчак

**Ведущие европейские державы,
их внешняя политика и политика безопасности
и влияние на формирование европейской
архитектуры безопасности**

К ведущим европейским державам, которые имеют решающее влияние на формирование европейской архитектуры безопасности, в том числе на ЕПБО (Европейскую политику безопасности и обороны), относятся Соединенное Королевство (далее «Великобритания». – *Примеч. переводчика*), Франция и Германия. Эти государства обладают политическим влиянием, экономическим и демографическим весом и военными возможностями, которые делают их незаменимыми участниками формирования европейской политики. Несомненно, на данном этапе речь идет о взаимовыгодном совпадении факторов - каждый из этого трио имеет преимущество в определенных категориях (Германия, главным образом, имеет превосходство в экономике и демографии, в то время как Великобритания и Франция располагают значительным преимуществом в военном плане). Целью данного материала является анализ их внешней политики и политики безопасности, и особенно тех аспектов, которые оказывают наибольшее воздействие на стратегическую ситуацию в Европе.

Франция, НАТО и европейская архитектура безопасности: изменение vs преемственность

Франция в течение десяти лет проводила последовательную политику по вопросам трансатлантических отношений и европейской архитектуры безопасности. Французская «европейская» и «атлантическая» политика основана на фундаментальных принципах внешней политики и политики безопасности. Они были достаточно стабильными и опирались, в той или иной степени, на консенсус главных политических сил (который остался неизменным даже при социалисте Франсуа Миттеране, первом президенте Пятой Республики, не принадлежащем к голлистской партии).

Изменения, произошедшие после окончания холодной войны, и факторы, которые были связаны с этим событием, очень сильно повлияли на позицию Франции в международных отношениях. С 1989 по 1991 год имели место, прежде всего, три события, которые коренным образом определили французскую политику безопасности: крушение биполярной системы международных отношений и распад Советского Союза, объединение Германии, а также первая война против Ирака и победа антииракской коалиции, возглавляемой Соединенными Штатами. Крушение биполярности показало, что французская позиция «посредника» в дихотомии Советского Союза, с одной стороны, и Соединенных Штатов Америки и западного мира, с другой, в новой обстановке потеряла свое значение. Если раньше, именно благодаря этой позиции, у Франции во время холодной войны имелось довольно значительное пространство для маневра, то в новой стратегической ситуации, в которой доминирует американская сверхдержава - или, как говорят французы, «гипердержава», «*L'hyperpuissance Américaine*», - их возможности для *marge de manoeuvre* стали более ограниченными. Распад Советского Союза и последующее качественное и количественное сокращение вооруженных сил России, как и изменение характера отношений между Россией и странами-членами НАТО, вызвали, в силу ликвидации решающей стратегической угрозы, радикальное изменение

французского стратегического мышления и характера вооруженных сил. Воссоединение Германии ознаменовало потерю привилегированного положения в Европе, на что французская дипломатия отреагировала инициированием углубления процессов европейской интеграции и сотрудничества, в том числе в таких областях, как внешняя политика и безопасность.

Французская внешняя политика и политика безопасности традиционно опираются на следующие основополагающие принципы, исходящие из идеи самоидентификации:

- Франция является мировой державой с глобальными интересами,
- свои интересы она наилучшим образом может осуществить в многополярном мире, в котором бы Европа играла роль единого центра власти,
- Франция является альтернативой США в западном мире.

Такая французская политика на институциональном уровне означала приоритет ЕС перед НАТО в рамках европейской архитектуры безопасности. Конечно, следует отметить, что, несмотря на логику, которая стояла за этими принципами, попытки их осуществления были относительно дорогими (например, затраты на содержание «автономных» ядерных потенциалов) и, несмотря на затраченные средства, зачастую выглядели неубедительно в глазах большинства европейских союзников (см. ниже).

Франция после холодной войны стремилась к сохранению Североатлантического альянса как организации, обеспечивающей коллективную безопасность государств-членов, и усилению французских инициатив на уровне ЕС, которые должны привести к развитию Евросоюза в качестве реального игрока в области обеспечения национальной безопасности.

Хотя французы на протяжении почти двух десятилетий после окончания холодной войны прилагали значительные усилия к реализации своей концепции, осуществление их идеи не было достигнуто. Это объясняется несколькими следующими факторами.

1. Ресурсы. Европейским странам никогда не удавалось выделить такое количество ресурсов, которые необходимы для создания возможностей, по меньшей мере сопоставимых с американскими. Несмотря на общеизвестную многочисленность европейских вооруженных сил, ситуация на уровне их реального развертывания была намного хуже - ЕС не способен разрешить проблемы кризиса на стратегическом или более широком региональном уровне.

2. Различие между Францией и США в способности убедить союзников. Планы заменить НАТО Евросоюзом в качестве основного игрока в области обеспечения европейской безопасности могли быть успешными только в том случае, если другие государства-члены были бы убеждены, что Франция - как ведущее государство, но вместе с другими европейскими союзниками, - может обеспечить гарантию европейской безопасности в сопоставимом с США диапазоне. Однако декларативные заявления Франции, например, о расширении «ядерного зонтика» для европейских союзников, не имеют под собой реальной основы.

3. Следующий существенный фактор явился результатом неодобрения подавляющим большинством европейских стран идеи заменить НАТО Европейским союзом (присоединение стран Центральной Европы его еще более укрепило). Это справедливо не только в отношении Великобритании, Польши, Нидерландов, которые являются самыми последовательными «атлантистами», но и для Германии. Несмотря на перемены в немецкой внешней политике и политике безопасности в годы правления канцлера Шредера, НАТО по-прежнему является наиболее влиятельным гарантом безопасности Германии (см., например, последнюю «Белую книгу» по обороне и национальной безопасности Германии). Еще одним чрезвычайно важным фактором является британский скептицизм по отношению к «автономным усилиям» в области европейской безопасности, который частично изменился только в последнее время. Однако это - ключевой фактор, особенно если принять во внимание британские военные возможности, которые в

настоящее время считаются наиболее мощными и эффективными в Европе. Таким образом, очевидно, что без договоренности с Великобританией нет реальной эффективной европейской политики безопасности. До сих пор любое изменение в «европейской обороне» осуществлялось на основе соглашений двух сильнейших военных держав Европы - Франции и Великобритании.

4. Отсутствие европейских военных ресурсов. Изменение этой неблагоприятной ситуации потребует сильного политического решения, принимая во внимание, что проблемы возникают не только из-за отсутствия материальных ресурсов, но также из-за необходимости концептуальных перемен, изменений в стратегическом мышлении, глубоких преобразований в вооруженных силах и т. д.

После победы на президентских выборах Николя Саркози французская внешняя политика и политика безопасности претерпели частичные изменения. Новый президент Франции из трех основополагающих принципов французской внешней политики и политики безопасности не изменил (на декларативном уровне) первый и второй: Франция как мировая держава и акцент на многополярности, в рамках которой ЕС играет роль глобального центра власти. Тем не менее, он изменил третий принцип: как именно Франция может достигнуть своей цели – путем создания альтернативы США, как это было до сих пор, или в сотрудничестве с Вашингтоном. Чтобы понять это изменение, необходимо отметить, что бывший президент Франции Жак Ширак утверждал, что Европа должна укрепить свою динамику и единство в глазах Соединенных Штатов, а также свою политическую и экономическую власть и представить «европейскую сплоченность как международную реальность»¹ (к тому же, после политических изменений в Мадриде и создания нового испанского правительства во главе с Хосе Луисом Сапатеро президент Ширак стремился добавить к франко-немецкой оси Испанию. Кроме того, испанский

¹ Blair's Call to Accept Bush Scorned by Chirac, *The Guardian*, 6 ноября 2004.

премьер-министр принял участие, к примеру, во встрече лидеров государств с российским президентом Путиным в начале 2005 года. Франко-германо-испанское *pas de trois* было также создано с целью уравновесить «американское влияние»).

Выбор другой возможности отражается на уровне декларативных и официальных стратегий (см. последнюю Белую книгу и выступления Саркози, например, перед послами в августе 2007 года), а также на уровне практической политики, в том числе на институциональном уровне. В частности, например, по вопросам ядерной программы Ирана или франко-английских отношений. С точки зрения такого анализа, однако, наиболее важно, что французское стратегическое решение оказало значительное влияние на трансатлантические отношения и НАТО.

На институциональном уровне это изменение проявляется в том, что отношения НАТО - ЕС больше не воспринимаются французской стороной как игра с нулевой суммой (*zero sum game*), в которой выигрыш на одной стороне автоматически означает проигрыш на другой. Взгляд на отношения ЕС - НАТО изменился: повышение эффективности НАТО может одновременно укрепить Союз и наоборот, а обе организации не являются конкурентами – они взаимодополняют друг друга (см. Белую книгу 2008).

Несомненно, ключевой институциональной проблемой является возврат к военным структурам НАТО. Даже если данный шаг, предпринятый на саммите НАТО в Страсбурге-Келе, был почти predetermined, судя по предыдущим высказываниям, следует отметить, что это была не первая попытка после окончания холодной войны. В период 1995-1996 годов очень интенсивно обсуждался вопрос о возможности возвращения Франции, но Париж, однако, выдвинул ряд условий, которые в то время были неприемлемы для союзников, особенно для Соединенных Штатов. Французы тогда претендовали, среди прочего, на пост командующего южным крылом НАТО, в которое входило и Средиземноморье, с чем не согласились США, в частности, с контролем над американской средиземноморской

флотилией. За последнее десятилетие, однако, Альянс изменился и изменились вес и значение отдельных постов в рамках командной структуры. «Должности на постоянной основе» в Европе, с точки зрения общей стратегической ситуации, стали менее важны, и теперь США и Великобритания склонны «выпустить» некоторые должности, что было бы немыслимо десять лет назад (включая посты АСТ - командования ОВС НАТО по вопросам трансформации - и пост командующего в Лиссабоне).

Необходимо добавить и то, что Н. Саркози не мог отрицать зарождение неоголлистской традиции и не мог вернуть Францию к военным структурам без представления достаточных «выигрышей» и «новых условий», которые их обеспечивают. Возникло бы, собственно, сильное сопротивление со стороны левых сил и частично из «антиатлантического» крыла французских правых - уже и так выдвигались утверждения, что подрываются традиции французской внешней политики и безопасности и создаются слишком тесные отношения с Соединенными Штатами Америки («Саркози - американец»).

По этой причине он в своем коммюнике подчеркнул, что Франция вернулась в «новый Альянс» на основе новых реалий в изменившихся обстоятельствах и что традиционные принципы отношения Франции к НАТО будут оставаться неизменными.

В соответствии с этим в Белой книге по обороне и национальной безопасности, появившейся в июне 2008 года, открыто говорилось о вероятном возвращении в НАТО и подчеркивалось, что Альянс претерпел радикальные изменения не только после 1966 года, когда генерал де Голль принял решение вывести французские войска из-под единого военного командования НАТО, но и после 1994 года, когда было выпущено последнее издание Белой книги. В этом документе Франция подтвердила принципы, определенные еще генералом де Голлем (полную независимость стратегических ядерных сил, независимую оценку ситуации и свободу в действиях, независимость в принятии решений и то, что ни одно подра-

зделение французских вооруженных сил в мирное время не должно находиться под командованием НАТО), которые, однако, в сегодняшней ситуации не противоречат тенденции сближения с «новым Альянсом».

Наиболее важным условием Франции, однако, были не посты в командных структурах НАТО, а одобрение со стороны США и Великобритании одновременно с укреплением европейского потенциала, особенно в военном планировании. В этом вопросе в последние годы все больше англичан проявляет скептицизм даже сильнее, чем сами американцы: когда в глазах американцев создание автономной европейской группы военного планирования представляет наибольшую угрозу для трансатлантических отношений, они устраниаются. В настоящее время американские приоритеты определяются, главным образом, географически, а также институционально в других областях. Проблема европейского потенциала в области планирования остается, по меньшей мере, с 2003 года, когда - в период иракского кризиса и на пике трансатлантических проблем - состоялся «пралине-саммит» (Франция, Германия, Бельгия и Люксембург), на котором было объявлено о намерении создать группу планирования в Тервюрене. Тогда это предложение было немедленно отвергнуто британскими и другими союзниками, включая страны Центральной Европы.

Однако американцы, которые в сегодняшней ситуации в большей степени готовы принять часть французских планов, оказали на англичан, с целью стабилизации союзнических отношений, политическое давление, чтобы те проявили больше гибкости при рассмотрении предложений Франции. Кроме того, более тесное сотрудничество может также предполагать усиление французского участия в миссиях, которые являются ключевыми для Лондона и Вашингтона. По политическим соображениям оно не могло быть осуществлено в Ираке, но в Афганистане это реально (Н. Саркози в британском парламенте объявил об усилении французского контингента в Афганистане, чем навлек на себя критику на родине - неко-

торые критиковали его, собственно, за само усиление, а другие потому, что об этом было объявлено в Лондоне, а не дома).

Последнее издание документа по вопросам обороны и национальной безопасности, Белая книга, вышедшая в июне 2008 года, подтверждает «европейские устремления» Франции и одновременно представляет конкретные планы, посредством которых можно укрепить позиции ЕС в качестве «важного игрока в области урегулирования кризисных ситуаций и обеспечения международной безопасности». Это, прежде всего, возрождение плана по формированию 60-тысячного контингента сил быстрого реагирования (вспомните Хельсинки...), расширение возможностей в планировании и оперативном осуществлении военных и гуманитарных операций, реструктуризация европейского военно-промышленного комплекса (тем не менее, Франция четко определяет области, где оборонная промышленность должна быть сохранена «на национальном уровне»; имеется в виду потенциал, который обеспечит «стратегическую и политическую независимость»: средства ядерного сдерживания, баллистические ракеты, атомные подводные лодки и средства защиты информации), а также - на доктринальном уровне - подготовка единой Белой книги по обороне и безопасности Европы.

В документе, однако, подтверждены все значительные изменения, которые произошли в политике Франции по отношению к НАТО после прихода к власти нового президента, и, прежде всего, основополагающий принцип: ЕС и НАТО – взаимодополняющие и взаимодействующие организации, соперничество между которыми не имеет смысла, что выражается в восстановлении стратегического партнерства между Европой и Соединенными Штатами (на практическом уровне вооруженных сил, более чем когда-либо, подчеркивается многосторонний подход к международным вмешательствам и открыто заявляется, что подавляющее большинство зарубежных миссий будет осуществляться в контексте многостороннего сотрудничества - в предшествующих французских стратегических документах национальный уровень всегда имел приоритет

перед международным). Также содержится призыв к проведению трансатлантического стратегического обсуждения, причем в качестве соответствующего начала представляется саммит НАТО к 60-летию со дня образования Альянса, который символически состоялся в Страсбурге и Келе (Германия). В соответствии с документом, именно саммит НАТО был местом официального сообщения о возобновлении полноправного членства Франции.

Великобритания - нерешительный (?) европеец и одновременно сильнейшая военная европейская держава

Франция и Великобритания являются единственными государствами Европы, которые обладают статусом ядерных держав и имеют постоянное место в Совете Безопасности ООН. Оба государства имеют обширные традиции в реализации зарубежного военного вмешательства, и в настоящее время из европейских стран только они способны проводить на необходимом уровне военные операции за пределами своей собственной территории и за пределами Европы. Несмотря на этот общий фактор, существуют, однако, важные различия между ними во внешней политике, политике безопасности и оборонной политике. Во-первых, англичане всегда были членами всех структур НАТО, в том числе военных, в работе которых Франция не принимала участия вплоть до саммита в этом году в Страсбурге и Келе, более того, Великобритания является также одним из самых активных членов Альянса, который обладает сильным влиянием и весом в этой организации. Второе отличие вытекает из разницы в характере их отношений с Соединенными Штатами. Франция характеризуется как самостоятельный и независимый полюс в международных отношениях, до недавнего времени выступающий исключительно в качестве альтернативы Соединенным Штатам в западном мире. Напротив, особые отношения с Соединенными Штатами являются альфой и омегой внешней политики и политики безопасности Великобритании. Все упомянутые различия оказывают определяющее влияние на

идеи и концепции этих держав по вопросу о будущей роли и месте Европейского союза в мире. Содействуя Франции в образовании Европейского союза в качестве независимого полюса в международных отношениях и создании так называемого многополярного мира, британцы говорят о необходимости сохранять единство западного мира, а также поддерживать исключительное положение трансатлантических отношений и тесное сотрудничество с Соединенными Штатами. После Суэцкого кризиса (1956), ход которого показал, что британцы и французы были способны проводить сравнительно успешные военные операции, но не были в состоянии выступать в качестве полностью независимого полюса в международных отношениях вопреки воле «супердержавы», британская элита окончательно решила, что Великобритания в этой ситуации должна приобрести максимально возможное влияние на руководящий центр, где по-прежнему будет приниматься большинство решений, касающихся глобальной безопасности, то есть на Соединенные Штаты.

Североатлантический альянс, следовательно, по-прежнему занимает центральное место в концепции британской политики безопасности, несмотря на меняющийся характер этой организации. Однако в настоящее время наиболее важные для британской политики безопасности (и вооруженных сил) области и регионы находятся за пределами традиционной территории деятельности НАТО, то есть вне Европы и североатлантического региона: Ближний Восток, Северная Африка, Центральная Азия и Восточное Средиземноморье. Несомненно, необходимо также рассмотреть вопрос о развитии событий в этой области: НАТО, например, принимает довольно значительное участие в событиях в Афганистане, причем Великобритания дислоцировала там около 9000 военнослужащих, то есть второй по величине военный контингент после США. Основная концепция была высказана еще в Обзоре стратегической обороны 1998 года (даже тогда, когда вопрос об участии в событиях в Афганистане не был актуален!): «Мы должны быть готовы к тому, что должны будем делать и

оказаться в регионе конфликтов до того, как кризис придет к нам»². Этот принцип очень сильно влияет на британский подход к европейской архитектуре безопасности: хотя в последнем издании документа по вопросам политики безопасности Великобритании по-прежнему выражается заинтересованность в обеспечении безопасности и стабильности в Европе, неевропейские регионы являются приоритетными.

По британским оценкам, в обозримом будущем, даже если мир продолжит развитие к многополярности, Соединенные Штаты останутся наиболее влиятельной военной и экономической силой. НАТО по-прежнему считается краеугольным камнем британской безопасности, однако ему необходимо продолжить преобразование задач и возможностей, чтобы соответствовать запросам будущего. Инициативы, направленные на развитие европейской обороны, рассматриваются как фактор, который поможет укрепить НАТО, причем Европейский союз движется к возможностям, с помощью которых можно будет осуществлять урегулирование кризисных ситуаций, и главной целью Великобритании в этом процессе является укрепление реального военного потенциала. НАТО рассматривается как необходимый инструмент участия США в обеспечении европейской безопасности. С другой стороны, однако, одобряется развитие в рамках Европы, которое будет служить наиболее важным элементом британской политики в области безопасности, главным образом, после сдвига в американском отношении по направлению к архитектуре европейской безопасности (см. выступление в Париже Виктории Нуланд, бывшего посла США в НАТО).

Реальное участие Великобритании в этом «европейском проекте» является относительно новой тенденцией в британской политике безопасности и в значительной степени соответствует концепции участия в европейской внешней политике и политике безопасности. Усилия, предпринимаемые на политическом уровне, дополняются действиями на уровне

² *The Strategic Defence Review*, Министерство обороны Великобритании 1998.

сотрудничества в области оборонной промышленности и вооруженных сил. Британское участие в процессе формирования европейской внешней политики и политики безопасности, которое также можно определить как часть усилий, направленных на то, чтобы «быть ценным партнером для Соединенных Штатов», означает приобретение влияния в процессе, также воздействующем на позицию Соединенных Штатов (на стратегическом уровне англо-американские отношения были продемонстрированы участием британцев в иракской операции в 2003 году и последующими действиями, а на политическом уровне - чрезвычайно интенсивными отношениями тогдашнего президента США Джорджа Буша и бывшего британского премьер-министра Тони Блэра - символично, что первым иностранным гостем президента США Джорджа Буша после переизбрания был именно премьер-министр Великобритании Тони Блэр, 11-12 ноября 2004 г.). Кроме того, политика безопасности традиционно является сильной стороной Великобритании, учитывая тот факт, что британские вооруженные силы считаются наиболее эффективными в Европе с точки зрения ключевых категорий военного планирования в неевропейских регионах.

В 2004 году Великобритания получила, в связи с этим, две чрезвычайно важные и престижные должности, что показало ее ведущую роль в данном проекте. Во-первых, должность главы Европейского оборонного агентства (*European Defence Agency* - *EDA*), во-вторых, главой сил, осуществляющих одну из наиболее сложных миротворческих миссий Европейского союза за всю историю его существования, *ALTHEA* в Боснии и Герцеговине, также стала Великобритания.

Великобритания принимает участие в создании так называемых «*Battle Groups*» («боевых групп»), которые первоначально являлись совместной англо-французской инициативой. Из общей сложности 13 боевых групп Европейского союза одна группа создана Великобританией самостоятельно, а другая в

сотрудничестве с Нидерландами³. В документе «Обеспечение безопасности в меняющемся мире: Будущие возможности», опубликованном в июле 2004 года⁴, было сказано, что амбициям Великобритании действовать в качестве «*framework-nation*» в случае проведения европейских операций без США, в целом способствует ее активное участие в процессе создания европейской политики безопасности и оборонной политики, в плане эффективного влияния на его направление в соответствии с британскими интересами, причем последнее издание документа по вопросам политики безопасности Великобритании это подтверждает.

Германия – курс от «атлантического выбора» к «европейскому выбору»

С точки зрения некоторых важных аспектов политики безопасности, Германия находится в ином положении, чем Франция или Великобритания. Наиболее существенными причинами различия являются географическое положение и геополитическая позиция Германии, разные исторические события и опыт, а также отсутствие некоторых важных атрибутов статуса великой державы, таких, например, как ядерное оружие или постоянное членство в Совете Безопасности ООН. Вооруженные силы Западной Германии были в годы холодной войны основаны и созданы как типичный «альянс» сил (естественно, также в силу исторического опыта). Это означает, что западногерманские вооруженные силы были единственными в НАТО, полностью интегрированными в структуры Альянса. *De facto* все существенные ресурсы ФРГ были использованы исключительно для защиты восточных границ государства. Вследствие этого не осталось практически никакой возможности для

³ Непосредственное участие стран-членов ЕС в организации «боевых групп». См.: *General Affairs and External Relations Council chaired by Dutch Minister of Defence Henk Kamp, Brussels 22 ноября 2004.*

⁴ *Delivering Security in a Changing World: Future Capabilities. Ministry of Defence, London 2004.*

любого другого вида деятельности или миссий, таких, например, как операции за пределами Европы (разумеется, здесь следует принимать во внимание исторические и геополитические факторы). В сфере безопасности, которая четко определялась стратегическими реалиями холодной войны, вооружение, подготовка и концепция применения западногерманских вооруженных сил были сосредоточены на советской угрозе и подготовлены к широкоформатной маневренной войне в Центральной Европе, с тяжелыми бронированными и механизированными подразделениями («Коридор Фульда»).

Окончание холодной войны оказало доминирующее влияние на безопасность Германии. После образования в результате объединения Германии демографически и экономически сильного государства в центре Европы, а также после распада Советского Союза, исчезла наиболее важная и самая большая угроза для немецкой безопасности. Новая стратегическая ситуация очень точно охарактеризована в анализе генерала Клауса Неймана⁵:

- впервые в истории Германия находится только в окружении друзей и союзников,
- Германия больше не является «государством на передней линии»,
- Германия оказалась вне пределов досягаемости любых вражеских стратегических сил, которые могли бы осуществить наступательные действия или оккупацию немецкой территории.

В такой ситуации началось определение новых целей немецкой политики безопасности, что, однако, одновременно повлекло за собой и серьезные проблемы. «Самоопределение» каждого государства имеет значительное влияние на его политику безопасности, и Германия в этом отношении также отличается от своих основных европейских союзников - Великобритании и Франции. Англичане и французы имеют

⁵ Анализ генерала Клауса Неймана на семинаре Бундесвера в Лейпциге 12 мая 1992. См.: Brill, Heinz: *Geopolitik Heute: Deutschlands Chance?*, Ullstein 1994.

относительно постоянные и целостные представления и концепции о своем «месте» в мире, о своей роли в международных отношениях и, следовательно, имеют определенные и четкие цели в области собственной политики безопасности. У Германии, однако, нет выкристаллизованного видения в этой области и, следовательно, нет четких ответов на ключевые вопросы о ее роли в международных отношениях и сфере глобальной безопасности. В этом процессе у Германии было несколько вариантов выбора. В число наименее вероятных можно включить парадигму безопасности, основанную на «великодержавности» (в старом смысле слова), а также другую концепцию, так называемую «Супер-Швейцарию», которая привела бы к превращению Германии в «нейтральное» государство (имеются серьезные сомнения в актуальности этого понятия в современных условиях безопасности в Европе. Вместо этого было бы правильнее в случае, например, Швеции, Швейцарии или Австрии использовать понятие «государство вне Альянса», которое бы больше соответствовало европейским реалиям после холодной войны. Кроме того, присоединение Австрии, Швеции и Финляндии к Европейскому союзу, с его последовательно развивающейся европейской политикой безопасности и обороны, делает спорным и сам нейтралитет этих стран). Из этих двух представленных вариантов ни один не соответствует реальным интересам Германии: для страны, расположенной в самом сердце Европы, «нейтралитет» и, тем самым, отказ от активного влияния в сфере безопасности так же немислим, как и «великодержавный» выбор, который бы угрожал нарушением существующих союзнических отношений и распадом основных институтов немецкой безопасности, НАТО и ЕС. Однако гораздо более реалистичны, а с точки зрения немецких национальных интересов более позитивны, следующие возможности: во-первых, «проевропейская», которая рассматривает Францию в качестве основного партнера, а с точки зрения европейской безопасности считает наиболее важной организацией Европейский союз. Во-вторых, «проатлантическая», которая считает приоритетными отношения с

Соединенными Штатами в сфере политики безопасности и в обеспечении европейской безопасности как основы для Североатлантического альянса. В минувшие десятилетия немецкая внешняя политика и политика безопасности стремится поддерживать баланс между этими вариантами, но если необходимо выбирать между ними, то приоритетными всегда будут отношения с Соединенными Штатами. Роль Соединенных Штатов, как основного партнера Германии в политике безопасности, была результатом широкого консенсуса в среде немецкой политической элиты. Эта ситуация, однако, постепенно начала меняться в результате стратегического (?) решения правительства канцлера Шредера, когда «проатлантическая политика» превратилась в гораздо большей степени «проевропейскую». По словам бывшего канцлера Шредера, «немецкую внешнюю политику и политику безопасности определяет географическое и политическое положение страны в центре Европы. Формулируем (внешнюю политику и политику безопасности) в Европе, для Европы и с Европой»⁶. Однако весьма сомнительно, являлись ли эти изменения результатом конкретных стратегических решений, или только политики *ad hoc* - в то время как влияние внутривнутриполитических факторов на внешнюю политику и политику безопасности Германии было очевидным. Так, правая оппозиция, включая нынешнего канцлера Германии Ангелу Меркель, выражала протест против «пренебрежения» трансатлантическим вектором в немецкой внешней политике и политике безопасности.

Несмотря на наличие некоторой неопределенности в основной парадигме немецкой политики безопасности, возможна идентификация относительно сдвига от «атлантизма» к «проевропейской» внешней политике и политике безопасности. Этот сдвиг, определение которого в последние годы оставалось спорным, был усилен в результате трансатлантических разногласий в связи с иракской войной. Хотя «большая коалиция»

⁶ Gerhard Schröder: Speech on the 41th Munich Conference on Security Policy. 12 февраля 2005, www.securityconference.de/konferenzen/rede.php?menu2005-menukonferenzen-sprache-enid43.

правых и левых партий этот переход облегчила и новое немецкое право-либеральное правительство будет, вероятно, более «атлантическим», чем бывшее правительство Шредера, тенденция очевидна (более того, некоторые члены нового немецкого правительства призвали к выводу американского ядерного оружия из Германии, что, вместе с тем, соответствует реалиям глобальной безопасности и свидетельствует о новом подходе Германии к американско-немецким отношениям). Весь процесс выражает способность к профилированию немецкой внешней политики и политики безопасности, то есть к выработке определяющих принципов в рамках внешней политики и политики безопасности объединенной Германии. Этим завершился процесс, продолжающийся *de facto* почти два десятилетия после окончания холодной войны и воссоединения Германии. Первый документ по вопросам политики безопасности правой-левой коалиции, которая до последнего времени правила Германией, Белая книга 2006 года, является важным шагом в этом процессе, принимая во внимание, что она представляет постоянные факторы немецкой политики безопасности, а также актуальные приоритеты, которые ее определяют в будущем. На уровне международных организаций по-прежнему сохраняется роль НАТО как главного гаранта немецкой и европейской безопасности. Параллельно с этим, но более явно, чем когда-либо прежде, была подчеркнута позиция Европейского союза по вопросам безопасности самой Германии, прежде всего, влияние европейских возможностей на стратегическое развитие в соседних регионах. Кроме того, согласно документу, создаются предпосылки для более эффективных действий ЕС в рамках принятия своей доли ответственности за глобальную безопасность. Это одно из крупных изменений, хотя в немецких стратегических документах всегда присутствует стремление сохранить определенный баланс между ЕС и НАТО.

С последовательным определением внешнеполитического курса Германии также связано «созревание» в международных отношениях. Это, однако, подразумевает необходимость более

активного участия в военных операциях за рубежом. Первый серьезный шаг в этом направлении со стороны Германии был сделан в связи с косовским кризисом в 1999 году и последующим участием в операциях на Балканах, причем к этому постепенно добавилась также миссия в Афганистане. В настоящее время, однако, Германия не располагает возможностями, которые соответствовали бы ее весу на международной арене: после Великобритании, Франции и Италии Германия является четвертым европейским государством с точки зрения численности военнослужащих, принимающих участие в зарубежных операциях, а также в силу других приоритетов немецкого населения, ориентированных на социальную и экономическую сферы, и эта ситуация почти не меняется.

Заключение и выводы

Очевидно, что Франция, Великобритания и Германия являются ведущими державами Европы. Их лидерство обусловлено соответствующими военными возможностями, экономическим потенциалом, демографическим весом и, не в последней степени, политическими факторами. Без их согласия невозможен любой прогресс в области европейской внешней политики и политики безопасности. Если посмотреть на эволюцию этой политики на протяжении последних почти двух десятилетий, станет ясно, что едва ли не все важные инициативы, которые были несомненно успешными, исходили от членов этого трио (часто в коалиции): уже говорилось о формировании ЕПБО или о конкретных проектах, как, например, концепция боевых групп (англо-французские инициативы).

Из трех предыдущих глав, однако, также ясно, что приоритеты, концепции этих держав в области европейской безопасности различны - и различна их стратегическая культура. В связи с этим фактором и в силу их веса в Европе любая общая европейская политика безопасности будет носить долгосрочный характер и станет «наименьшим общим знаменателем» политик Германии, Франции и Великобритании (типичным примером такой ситуации и такого согласия является Иран).

Хотя Лиссабонский договор укрепляет и углубляет европейскую интеграцию, вопросы безопасности и обороны остаются доминирующими в компетенции отдельных государств-членов ЕС (что подчеркивается предыдущим утверждением). С другой стороны, однако, надо отметить еще одну очень важную тенденцию: несмотря на по-прежнему существующие серьезные различия, происходит постепенное сближение этих стран в сфере европейской архитектуры безопасности. «Европеизация» немецкой внешней политики и политики безопасности является длительной и, пожалуй, даже устойчивой тенденцией. В последнее время Великобритания, одновременно сохраняя при этом особые отношения с США, также усилила значимость европейского вектора в своей внешней политике и политике безопасности. С другой стороны, Франция - наряду с традиционно сильной осью Париж-Берлин - сделала шаги в направлении более тесного сотрудничества с трансатлантическими партнерами, которые помогут Лондону в восприятии определенных французских идей. Данная тенденция имеет очень серьезные последствия и для других государств-членов Европейского союза, включая страны Центральной Европы, которые должны очень внимательно следить за развитием событий в силу определяющего влияния европейской архитектуры безопасности на их собственную безопасность.

Список литературы

- A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy, 2003. www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf.
- Blair's Call to Accept Bush Scorned by Chirac, „The Guardian“, 6 март 2004.
- H. Brill, Geopolitik Heute: Deutschlands Chance?, Ullstein, 1994
- Defence Policy Guidelines, Министерство обороны Германии. Berlin 2003.
- Delivering Security in a Changing World: Future Capabilities, Ministry of Defence, London 2004.

- General Affairs and External Relations Council chaired by Dutch Minister of Defence Henk Kamp, Brussels, 22 ноября 2004.
- Gerhard Schröder: Speech on the 41th Munich Conference on Security Policy, 12 февраля 2005, www.securityconference.de/konferenzen/rede.php?menu2005-menukonferenzen-sprache-enid43
- G. Grevi, D. Helly, D. Keohane, (ред.): European security and Defence Policy: the first 10 years. European Union Institute for Security Studies, Paris 2009.
- D. Hamilton, Merkel, Bush and German-American Relations, В.: „Foreign Policy in Dialogue“, том 6 – выпуск 18, с. 42-48. www.deutsche-aussenpolitik.de/issue18.htm
- Le Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale 2008. Présidence de la République, Paris 2008.
- R. Ondrejcsák, V. Tarasovič, M. Majer, T. Valášek, (dlá.): Panorama of global security environment 2009, Centre for European and North Atlantic Affairs (CENAA), Bratislava 2009.
- R. Ondrejcsák, L. Lupták, T. Valášek, (ред.): Panorama 2008. Centre for European and North Atlantic Affairs (CENAA), Bratislava 2008.
- R. Ondrejcsák, V. Tarasovič, L. Lupták, (ред.): Panorama global security environment 2006-2007, Centre for European and North Atlantic Affairs (CENAA) – Ministry of Defence SR, Bratislava 2007.
- The National Security Strategy of the United Kingdom. Security in an interdependent World, London 2008, http://interactive.cabinetoffice.gov.uk/documents/security/national_security_strategy.pdf.
- The Strategic Defence Review. Министерство обороны Великобритании, 1998.
- White Paper 2006 on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr. 25 октября 2006. www.weissbuch.de/download/White_Paper_2006.pdf.

